

**В ЦИКЛЕ «АНДРЕЙ ЛУНЕВ»
ВЫШЛИ КНИГИ**

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

ТРИНАДЦАТЫЙ СЕКТОР

АГРЕССИЯ

ЗАПАДНЯ

ОСТРОВ Z

КАРАНТИН

ОРУЖЕЙНИК

ХАОСПАТРОН

Вячеслав Шалыгин

ЦИКЛ «АНДРЕЙ ЛУНЕВ»

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Ш18

Шалыгин, В.В.

Ш18 Обратный отсчет / В.В. Шалыгин. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 392 с. — (Миры Вячеслава Шалыгина).

ISBN 978-5-521-92778-4

Наемникам в аномальной зоне не поручают благородные миссии. Андрей Лунев по прозвищу «Старый» сразу понял, что прикрывать группу офицеров Международной инспекции, которая отправилась изучать загадочное явление названное Зовом, он будет формально. От него требовалось лишь отсечь любопытных сталкеров, которые, по мнению Посредника непременно увяжутся за группой.

Так и случилось. Полусумасшедший Смокер с огнеметом, загадочный тип с японским мечом и многие другие то и дело пересекали путь группы, но при этом скорее помогали ей продвигаться к центру аномальной зоны, чем мешали. Убирать их с пути не было никакой необходимости. Однако группа редела с каждым пройденным километром. Чтобы понять, в чем тут загвоздка, Старому пришлось обнаружить свое присутствие и помочь проводникам и офицерам выяснить истинную цель инспекции.

Вскрывшаяся правда оказалась чудовищной, но худшее заключалось в том, что вернуться и донести информацию до начальства оказалось намного сложнее, чем прорваться в центр зоны.

BIC FL
BISAC FIC009000

© Вячеслав Шалыгин
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ISBN 978-5-521-92778-4

ПРОЛОГ

Это только кажется, что ночь время полной тишины и мертвого покоя. Ночь полна звуков: шума дождевых капель, шагов, шорохов, завываний ветра, невнятных отголосков чьих-то стонов, и наполнена жизнью, пусть и не всегда нормальной. А еще она пропитана страхом, тяжелыми запахами и влагой.

Особенно влагой. В конце октября ночи здесь предельно сырые. Влага висит в воздухе мелкими каплями дождя, оседает на одежде тонкой пленкой маслянистого конденсата, стекает по лицу, смешивается с трудовым потом и оставляет солоноватый привкус на губах.

Идти сквозь это влажное безобразие осенней ночью ужасно утомительно и вдвойне опасно. Разумнее всего забраться в кабину брошенного много лет назад ржавого грузовика или в какие-нибудь развалины и устроиться на ночлег, да вот только здесь, в Зоне своя логика жизни.

Усталые глаза закрываются сами собой, влажные ладони соскальзывают с мокрого приклада автомата, а ноги разъезжаются в скользкой грязи, но пугающие звуки, запахи и тени в серой ночной мгле не дают остановиться, чтобы отдохнуть и переждать, когда кончится дождь или хотя бы когда придет рассвет. Они подгоняют не хуже длинного пастушьего хлыста, они заставляют отсчитывать новые шаги

и километры, упрямо продвигаясь к цели или шагая по кругу, всё зависит от тактики и личных предпочтений сталкера. Но общим в тактике всех старателей было и остается одно правило: двигаться всегда. Только тот, кто постоянно движется, имеет более-менее приличные шансы вернуться. А если учесть, что в большинстве своем люди ходят сюда не для развлечения, а по делу, постоянное движение становится еще и коммерчески выгодным.

И все-таки вечно идти человек не может. Обычный рейд в Зону занимает, конечно, меньше времени, чем длится вечность, но и неделю — от Выброса до Выброса — продержаться на ногах нереально. Привалы необходимы, как бы ни пугали остановки в промозглой ночи, как бы ни казалось, что стоит лишь на миг присесть и расслабиться, сразу станешь добычей рыщущих повсюду голодных мутантов или жертвой конкурентов. И костерок, чтобы хоть немного просушить одежду со снаряжением, тоже просто необходим. И тут уж приходится выбирать между страхом и здоровьем.

Впрочем, для опытных сталкеров выбор очевиден. Подумаешь, мутанты! Да и конкуренты скорее обойдут стороной или присядут к огоньку; предложат купить или продать какие-нибудь вещицы, обменяться найденными артефактами, просто расскажут новости с большой земли. Ночной костер в Зоне это своего рода территория перемирия. Случалось, особо холодными зимними ночами у костров вполне мирно уживались даже бойцы враждующих группировок, а не то, что обычные сталкеры, которым, по большому счету, ссориться не из-за чего. Нет между ними вражды. Здоровая конкуренция, и только.

Не всегда, конечно, так получается, но это лишь потому, что по Зоне бродит немало выроdkов, которые плюют на все законы и традиции, а еще много сдвинутых или просто из-

мотанных бесконечными испытаниями на прочность, отчаявшихся людей. Но в большинстве сталкеры все же соблюдают неписанные правила. Например, не ходить поодиночке, не связываться с группировками, не складывать артефакты в рюкзак, а носить в нескольких поясных подсумках, не брать в качестве трофеев личные жетоны и водить в Зону «пассажиров» только с конкретной целью. Зона не любит тех, кто приходит сюда на экскурсию или на «сафари», это факт. Достается им по первое число. Заодно прилетает и проводникам.

Вот и насчет костра есть свои правила. И такое впечатление, что они Зоной одобрены. Кто их нарушает, долго не живет. Возможно, это лишь суеверие, но проверять правдивость приметы на себе никто не рискует.

— Даже крысы костры обходят. Казалось бы, твари, да к тому же мутанты, а чувят, что Зона особое мнение на этот счет имеет, — один из сидящих у костра сталкеров разровнял угли и поставил на них вскрытую банку мясных консервов.

— А я вот в приметы не верю, — лениво поправляя капюшон прорезиненного плаща, сказал другой. — И вообще мне все эти суеверия до лампочки. Просто делаю, что подсказывает здравый смысл и всё. Работает безотказно. Скажешь, тоже Зона виновата?

— Зона ни в чем не виновата. Как и ты не виноват, что родился таким упрямым.

Первый на секунду уставился в непроглядную темноту за границей светового пятна, а затем принялся дуть на едва тлеющие под морозящим дождем угли. Второй снова поправил капюшон и поерзал, усаживаясь поудобнее.

— Вижу, не понимаешь ты меня, Фил. Сколько вместе ходим, а так и не проникся ты моим отношением к жизни. Всё какими-то непонятными теориями мозги себе засоряешь. Всё общий язык с Зоной хочешь отыскать, как яйцеголовый

какой-то. Потому и артефакты тебе в руки не идут. Не о том думаешь.

— Не в теориях дело, — Фил часто заморгал и потер глаза кулаком. — И не в общем языке с Зоной. Я просто хочу понять, есть в ней место для людей или нет?

— Во-во. А на дело времени не остается. Помяни мое слово, ничего, кроме геморроя, от своих размышлений ты не наживешь. Денег точно не прибавится. Бери пример с меня! Живу легко и в полном согласии с организмом. Захотел поспать — поспал, захотел выпить — выпил, и не забиваю голову ерундой.

— Брось, Мотя, я давно твоей философией проникся. В последнее время ни о чем почти и не думаю, а хабар все равно мимо плывет. Не моё это, наверное. Зря стараюсь. Никудышный из меня сталкер получился.

— Зато излагаешь гладко и всяких идей у тебя в голове полно. Мог бы в приграничье дело открыть. Ну, вроде платных курсов для начинающих сталкеров.

— Кому они нужны эти курсы? Все же нынче умные, всем давно известно, где берутся и сколько стоят артефакты. А сколько новичков по статистике не возвращается из первого рейда, ни для кого не имеет значения. Охота пуще неволи. Плюс жадность проклятая. Золотая лихорадка, эпидемия разразилась, иначе не назовешь.

— Это да, Зона сильно народ взбаламутила, многим извилины выпрямила. Но не все от жадности сюда прутся. Возьми «Монолит» или «Свободу», разве эти чокнутые из-за денег сюда пришли? Их идеи привели. А «Долг»? Всё, что соберут — ученым тащат. Такие бабки теряют! Тоже идеалисты сдвинутые. При чем тут жадность?

— В этом случае не при чем, — Фил пожал плечами и подкинул в костер пару сырых веток. — Но это другой вариант, клинический. В Зоне все не как у людей.

Дыма от них было больше, чем тепла, но дождь в последние двое суток не прекращался ни на минуту, и найти сухой валежник было невозможно. Разве что в лесу, между каменных лежек. Но там было реальнее найти смерть, чем приличные дрова.

— Глубокая мысль, — напарник усмехнулся. — Мне со средним умом и не донырнуть. Заметно, что ты бывший философ.

— И военных тут тоже хватает, — задумчиво продолжил тему Фил. — И ученых немало. Нет, с золотой лихорадкой ты переборщил. Если брать в целом, старателей в Зоне меньше половины. Остальные иначе деньги зарабатывают или вообще не зарабатывают.

— Ладно, согласен, — Мотя лениво перевернулся с боку на бок. — Что там с тушенкой, разогрелась?

— «Душу» бы с пояса снял, — Фил ревниво покосился на подсумок товарища. — А то всё трескаться тебе и трескаться. Лопнешь скоро.

— Не всё мне трескаться, — напарник смачно зевнул. — Еще врезать по маленькой и поспать. И нечего завидовать. Я тебя звал, ты отказался.

— Я с «Каруселью» никогда не связываюсь. Ничего не боюсь, даже к «Воронке» могу вплотную подойти... ну, почти... а эту... как увижу — сердце в пятки. Может, предчувствую что-то?

— Смерть свою? Это вряд ли. Если, конечно, ты потихоньку в «карлика» не превращаешься, — товарищ коротко рассмеялся. — Они задолго всё чувствуют. Спецы говорили, некоторые за неделю засады устраивают. Всё предвидят, гады, и никого не боятся. Разве что слепых псов, да и то, когда те стаей нападают. Как там у нас с рентгенами?

Он снова зевнул и поежился. То ли от осенней прохлады, то ли от упоминания о жутких подслеповатых карликах из подземелий Чернобыля и Припяти.

— Полбутылки осталось, если ты на это намекаешь. Для веселья мало, только в сон потянет, а от радиации кое-как да поможет. Но для таких целей ее надо по чуть-чуть употреблять, равномерно.

— Ну и давай ее... равномерно прикончим, и пусть в сон тянет, все равно собирались покемарить полчаса.

— Нет. До Выброса еще сутки. Можно многое успеть.

— Я уже неплохо затарился. Могу и пофилонить.

— Нечуткий ты человек, Мотя. Сам в порядке и ладно? Вот тыпнет тебя кабан, будешь выползать, как умеешь. Ты мне помочь не желаешь, и я тебе не помогу.

— «Душа» поможет, — Мотя лениво похлопал по под сумку. — С ней все раны на глазах заживают, ты ж знаешь.

— А ноги ватные, — Фил криво ухмыльнулся. — А от кабана только на ногах и можно уйти, стрелять тебе особливо не из чего. Да и нечем. Сколько патронов осталось? Десяток?

— Полтора. И, между прочим, все с разрывными, — напарник потянулся и зевнул. — Бо-ольшая редкость, ручная работа можно сказать. С мертвяка снял. Похоже, наемник был.

— Наемник с «калашом»? — засомневался товарищ.

— А что? Думаешь, они все с продвинутыми пушками ходят? «Калаш», между прочим, если семь-шестьдесят две, да с особыми патронами — самая универсальная машинка.

— Сенокосилка, — хмыкнул Фил. — Точности никакой, особенно у твоего, укороченного. И патроны что самодельные, что заводские — ерунда на постном масле, на каждом десятке осечка.

— Ну да, куда уж нам против вашей Италии! — Мотя обижено фыркнул. — Короче, Фил, не нагнетай. Помогу, так и быть. Утром. Ладно? А сейчас дай вздремнуть, раз уж не наливаешь.